Александръ Яблоновскій.

Страшная правда

(ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ).

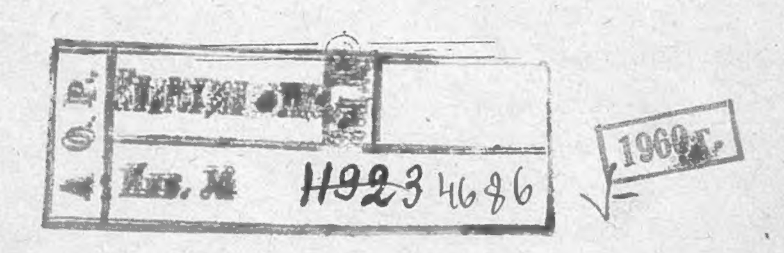

Издательство
„Свободная Россія"
Москва, Тверская,
Пименовскій пер. 8.
Тел. 4-13-60

Александръ Яблоновскій.

Страшная правда

(ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ).

Издательство „СВОБОДНАЯ РОССІЯ".
1917.

Отъ Редакціи.

Позорное, кошмарное явленіе, имѣвшее мѣсто на нашемъ фронтѣ, явленіе, въ которомъ было много тупого, безсмысленнаго предательства,— неглупое братаніе съ врагами, презирающими и ненавидящими насъ и нашихъ братьевъ побудило издательство „Свободная Россія" выпустить въ свѣтъ настоящую брошюру.

Въ простыхъ, неприкрашенныхъ ничьей фантазіей фактахъ,— ибо ничья фантазія не могла бы создать ничего подобнаго, читатели узнають страшную правду.

Здѣсь приводятся факты, имѣвшіе мѣсто до самыхъ послѣднихъ дней, имѣющіе мѣсто и нынѣ, когда вы читаете эти строки, полныя самаго горячаго негодованія и стыда за тѣхъ, кто изъ преступныхъ цѣлей старался затмить разумъ и совѣсть нѣкоторыхъ нашихъ солдатъ, забывшихъ свой долгъ передъ родиной и родными, благословившими ихъ на дѣло защиты отъ врага.

Если бы наши враги стали вдругъ, (какъ они лицемѣрно увѣряли) нашими братьями и добро-

желателями, они могли-бы это доказать, и должны были это доказать лучшимъ обращеніемъ съ нашими измученными и истерзанными братьями—военноплѣнными.

Если-бы наши враги говорили правду, они нашли бы способъ доказать намъ свое неожиданное духовное просвѣтленіе,—способъ болѣе яркій, чѣмъ угощеніе коньякомъ и сигарами.

Нынѣ, когда выяснилось окончательно, что всѣ попытки братанія съ нами дѣлались по строго намѣченному и расчитанному плану германскихъ штабныхъ офицеровъ, создавшихъ у себя поговорку „глупъ, какъ русскій",—нынѣ, когда позорное и смѣшное братаніе уже начинаетъ исчезать,—необходимо всѣмъ, кто еще не знаетъ, узнать то, что разсказано не одннмъ и не двумя, а нѣсколькими десятками русскихъ врачей, вернувшихся изъ ада, именуемаго германскимъ плѣномъ. Мы приводимъ стенографически-точные разсказы врачей, называя ихъ фамиліи, чтобы никто не могъ заподозрить ни редакцію издательства „Свободная Россія", ни автора предлагаемаго очерка въ нарочитомъ сгущеніи красокъ или преувеличеніи.

Вернувшіеся недавно изъ германскаго плѣна русскіе военные врачи въ числѣ 90 человѣкъ посѣтили министра-предсѣдателя кн. Г. Е. Львова.

Уполномоченный отъ врачей Кухтовичъ сказалъ:

Привѣтъ отъ плѣнныхъ временному правительству! Земной поклонъ русскому народу и родной русской землѣ! Трудно передать вамъ здѣсь, свидѣтелями какихъ нечеловѣческихъ мукъ и страданій, свидѣтелями какихъ жестокостей надъ тѣломъ, издѣвательствъ надъ личностью человѣка мы были! Нѣтъ словъ, чтобы развернуть передъ вами полную картину звѣрствъ нѣмцевъ и полную беззащитность отъ нихъ русскихъ плѣнныхъ. Полуголодное существованіе плѣнныхъ, отсутствіе защиты ихъ интересовъ, непосильная работа быстро изнашиваютъ организмъ плѣннаго, приводитъ его къ гибели, проводя предварительно черезъ путь тяжелыхъ, нечеловѣческихъ физическихъ и душевныхъ страданій. Розги, кандалы, травля собаками, подвѣшиваніе, распятіе, погруженіе въ холодную воду, сокращеніе и безъ того незначительнаго пайка, приклады, штыки и до разстрѣла включительно—вотъ примѣняемыя нѣмцами мѣры принужденія плѣнныхъ къ работѣ. Населеніе оккупированныхъ нѣмцами областей стонетъ и изнываетъ отъ системы выкачиванія ихъ матеріальныхъ средствъ, въ видѣ прямыхъ реквизицій, суровой системы налоговъ, принудительныхъ работъ и и всяческихъ насилій, вплоть до разстрѣла.

Мы можемъ сказать, что изъ двухъ милліоновъ плѣнныхъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ Германію. болѣе 500,000 уже не существуетъ. Ихъ кости разсѣяны на всей нѣмецкой землѣ. Мы, вернувшіеся изъ этого ада, счастливы, что вырвались, но нашъ долгъ передъ родиной и народомъ заявить, что стонъ несчастныхъ товарищей, оставшихся тамъ, входитъ въ наше первое слово, обращенное къ свободной, великой Россіи: «помогите, спасите, они погибаютъ!».

Взволнованный этой рѣчью, князь Львовъ обратился къ врачамъ со слѣдующими словами:

—То, что вы говорите, въ общихъ чертахъ было уже извѣстно въ Россіи, но все же ваше сообщеніе производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Оно еще разъ подтверждаетъ необходимость наступленія на фронтѣ. Такъ идите и всюду говорите, что наступленіе это—за освобожденіе томящихся въ плѣну. Разскажите, что мы пережили и свидѣтелями чего вы являетесь, чтобы всѣмъ стало ясно, что ждетъ насъ въ случаѣ пораженія. Свобода—только въ побѣдѣ.

Въ германскомъ плѣну.

На съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ докторъ Смирновъ опять напомнилъ русскому обществу, какъ живутъ и работаютъ наши солдаты въ нѣмецкомъ плѣну...

Не вѣрить д-ру Смирнову нельзя.

Это—интеллигентный человѣкъ, соціалистъ и гуманный врачъ, который не имѣетъ никакой надобности сгущать краски или клеветать на нашихъ враговъ. Его рѣчь дышала искренностью и правдой, и, конечно, каждое его слово, какъ раскаленный гвоздь, глубоко войдетъ въ русское сознаніе.

— Нашихъ солдатъ,—говорилъ д-ръ Смирновъ,—бьютъ палками, штыками, прикладами, подвѣшиваютъ къ дереву, распинаютъ на крестахъ... Я хотѣлъ видѣть въ нѣмецкихъ соціалистахъ товарищей, будучи самъ соціалистомъ, но я скажу вамъ, что вы ошиблись. Я говорю вамъ: не вѣрьте Тамъ нѣтъ братства...

Какое ужъ тутъ братство, когда распинаютъ!..

Какіе ужъ тутъ „товарищи", когда изъ двухъ милліоновъ русскихъ плѣнчыхъ,—все молодыхъ и здоровыхъ людей,—около 500 тысячъ уже лежитъ въ землѣ!

Ихъ вогнали въ гробъ нѣмецкія пули, нѣмецкія палки, нѣмецкія пытки и нѣмецкій голодъ.

500 тысячъ мертвецовъ,—это если положить рядышкомъ по два человѣка, то будетъ аллея отъ Петрограда до Москвы.

Въ своемъ родѣ садъ пытокъ... Пытокъ войны, озвѣрѣнія и тупой, холодной и методической жестокости.

Съ трудомъ вѣришь въ эти ужасныя слова д-ра Смирнова, но можно ли не вѣрить, когда вотъ уже три года наши бѣглецы и инвалиды, возвратившіеся изъ плѣна, рисуютъ передъ нами все ту же картину:

— Пытки, палки, голодъ, резиновыя плети и и безпрерывное „перманентное" заушеніе.

О, если бы нѣмецкій плѣнъ походилъ хотя бы на русскую каторгу временъ Достоевскаго! Но, вѣдь, и этого нѣтъ. «Мертвый домъ» Достоевскаго былъ бы принятъ русскими плѣнными какъ избавленіе, какъ отдыхъ, почти какъ счастье.

Ко мнѣ въ редакцію пришелъ военный врачъ Ник. Мих. Спиридоновъ, возвращенный изъ гер-

манскаго плѣна вмѣстѣ съ докторомъ Смирновымъ, и долго разсказывалъ, какъ забиваютъ на смерть безотвѣтныхъ русскихъ солдатъ.

Я не знаю, какъ я дослушалъ эту повѣсть о солдатской Голгоѳѣ. Но у меня все время было такое чувство, какъ-будто я присутствую въ застѣнкѣ петровскихъ временъ, гдѣ и стѣны, и полъ залиты кровью, и гдѣ нѣтъ даже ни мести, ни злости, а есть только „наука“ палачества,—спокойная, безстрастная, холодная наука...

Докторъ Смиридоновъ говорилъ взволнованно, спѣшилъ и едва справлялся съ напоромъ кровавыхъ воспоминаній.

— Наши плѣнные ниже собакъ, безправнѣе собакъ, голоднѣе собакъ. Вотъ какъ ихъ кормятъ: три восьмыхъ фунта хлѣба въ день на человѣка. Хлѣбъ изъ опилокъ и картофельной муки. На обѣдъ—теплая вода, замѣшанная мукой, и кормовая брюква. Иногда на обѣдъ даютъ даже рубленую солому, облитую болтушкой изъ муки.

— Наши плѣнные всегда роются въ помойныхъ ямахъ... Какъ собаки... Они выискиваютъ тамъ селедочныя головки и кожуру картофеля и жадно, какъ звѣри, ѣдятъ. Часовые ихъ бьютъ по лицу хлыстами и не могутъ отогнать.

— Съ каждаго плѣннаго снимаютъ сапоги и одежду и даютъ два тонкихъ одѣяла. Это и постель, и одежда. Одно одѣяло надѣвается мѣшкомъ на голову, другое—на тѣло. Бѣлья нѣтъ. Изъ ста солдатъ семьдесять пять ходятъ безъ бѣлья. Да и тѣ, у кого есть рубашка, не знаютъ покоя отъ вшей. Когда солдатъ сниметъ рубашку и бросить на полъ, она шевелится, какъ живая... Кишмя-кишитъ...

— Каждый лагерь—это стадо голодныхъ, полуголыхъ русскихъ „собакъ", куда и нѣмецкіе доктора, и офицеры, и солдаты ходятъ не иначе, какъ съ хлыстомъ или палкой въ рукахъ.

— Я не могу вамъ разсказать, какъ ихъ бьютъ и за что бьютъ. Не вытянулся передъ офицеромъ въ струнку,—по лицу. Недостаточно поспѣшно отдалъ честь,—по лицу. Раньше времени отнялъ руку отъ козырька,—по лицу!

Нигдѣ и никогда самые жестокіе люди не бьютъ такъ собакъ, какъ бьютъ русскихъ солдатъ въ германскомъ плѣну!

— Я зналъ нѣмецкаго доктора, который клалъ нашихъ солдатъ на бочку вверхъ животомъ и потомъ по натянутому животу билъ палкой.

Я знаю другого нѣмецкаго доктора, который

безпрестанно и безъ надобности дѣлалъ операціи нашимъ солдатамъ.

Мы, врачи, спрашивали его:

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— Но я учусь на нихъ,—сказалъ нашъ докторъ.

Это было похоже вивисекцію. То, что дѣлаетъ медицина съ кроликами, собаками и обезьянами, этотъ врачъ продѣлывалъ на живомъ русскомъ тѣлѣ...

Но таково положеніе солдата въ нѣмецкомъ плѣну, что ни жаловаться, ни протестовать, ни даже плакать онъ не можетъ и не смѣетъ.

Вы знаете, что нѣмецкихъ полицейскихъ собакъ учатъ теперь на русскихъ солдатахъ. Солдатъ имѣетъ право только убѣгать отъ собаки, когда ее натравливаютъ на него. Но обороняться и даже оттолкнуть собаку, когда она грызетъ тѣло, солдатъ „не имѣетъ права".

Вы знаете, что на нѣмецкихъ полевыхъ работахъ, вмѣсто лошадей и быковъ, въ плуги запрягаютъ нашихъ солдатъ. Да, пашутъ земли на солдатахъ и на казакахъ. И, конечно, ни одну лошадь въ Германіи тамъ никогда не погоняли... Съ животными нѣмцы обращаются гуманно...

А ихъ наказанія за проступки! Палки, резиновыя плети и хлысты,—это у нихъ даже не считается наказаніемъ. За малѣйшій проступокъ они «привязываютъ къ столбу», причемъ такъ скручиваютъ веревками тѣло, что люди снимаются со столба безъ чувствъ, а иногда и безъ признаковъ жизни.

Кромѣ «столба», они заковываютъ въ цѣпи и приказываютъ ходить по лагерю, не останавливаясь, не присѣдая на землю и не смѣя перевести духъ отъ изнеможенія. Кто не выдержитъ и опустится на землю, того поднимаютъ палочными ударами.

А ихъ распинаніе, когда распятый русскій солдатъ виситъ на цѣпяхъ, и цѣпи до костей прорѣзываютъ ему руки!.. Даже нѣмцы считаютъ это наказаніе самымъ мучительнымъ и каждому пытаемому вставляютъ въ ротъ термометръ и слѣдятъ за паденіемъ температуры...

Долго, очень долго говорилъ мнѣ докторъ Спиридоновъ объ этихъ крестныхъ мукахъ безотвѣтныхъ, забитыхъ и истерзанныхъ русскихъ рабовъ. И видно было по лицу и по глазамъ доктора, что эти воспоминанія, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, выжгли слѣдъ въ его душѣ. Навѣки, до гробовой доски выжгли...

Онъ даже не сердился, даже не негодовалъ на эту безпредѣльную гнусность. Онъ только передавалъ факты и говорилъ то, что видѣлъ. И, слушая его, я невольно вспоминалъ Ганнибала и пуническія войны, когда вотъ такъ же измывались надъ плѣннымъ врагомъ, и когда древній человѣкъ наслаждался палачествомъ и жестокостью.

А докторъ все говорилъ и говорилъ. Онъ говорилъ, какъ съ русскихъ солдатъ на ночь снимаютъ одежду, чтобы предупредить побѣги, какъ въ стужу эти дрожащія и синія солдатскія тѣла трясутся въ холодныхъ сараяхъ или закапываются въ коровникахъ въ навозъ, чтобы согрѣться.

Съ головой, совсѣмъ закапываются, такъ что утромъ нѣмецкіе часовые «нащупываютъ» ихъ штыками.

— И знаете, что я еще замѣтилъ, сидя въ нѣмецкомъ плѣну? Обращеніе съ нами измѣнялось до неузнаваемости, когда на фронтѣ нѣмецкія дѣла шли хуже. Мы такъ и знали, что если нѣмцы становятся вѣжливы, перестаютъ бить солдатъ по лицу,—это значитъ, что ихъ гдѣ-нибудь вздули: или англичане, или французы, или русскіе.

Даже во время большихъ наступленій союзниковъ или русскихъ нѣмецъ начиналъ вспоминать, что мы люди и улучшалъ нашу пищу.

Но зато когда военное счастье поворачивалось въ сторону нѣмцевъ,—о, тутъ мы опять были на положеніи послѣднихъ собакъ. Опять начинались хлысты, опять палки, опять голодъ,—мучительный, постоянный, терзающій голодъ. И опять отъ голода у солдатъ начинались отеки ногъ, и на этихъ опухшихъ, какъ колоды, ногахъ они ходили на работу, совершая путь въ десять верстъ...

И работали подъ нашими же, русскими пулями.

Признаюсь, я почти плакалъ, слушая этотъ взволнованный разсказъ доктора.

Слушалъ, и все въ моемъ мозгу рисовалась картина:

— Тамъ, въ Германіи, въ лагеряхъ военноплѣнныхъ, русскаго солдата распинаютъ, а на фронтѣ въ это время «братаются».

Тамъ изъ помойныхъ ямъ наши солдаты выбираютъ картофельную шелуху, а въ Россіи не могутъ собрать какого-нибудь милліона рублей, чтобы утолить эту муку вѣчнаго голода...

Молчитъ общество, молчитъ правительство, молчитъ армія.

Или нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, средствъ заставить нѣмцевъ считать людьми и русскихъ плѣнниковъ?

Англичане, французы, итальянцы и въ плѣну люди.

Но русскіе—не люди.

О, я не говорю, конечно, что мы должны заплатить тою же монетой и нѣмецкимъ плѣннымъ и на палки отвѣтить палками, а на распятія—распятіями. Да хранитъ Господь Россію отъ такой гнусности!

Но наше правительство, наше общество, наша печать и наши партіи должны же вступиться за русскихъ плѣнныхъ и должны же найти тотъ языкъ, который былъ бы понятенъ и стервятникамъ!

А главное—должна вступиться за своихъ товарищей наша армія.

Ей, и только ей принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ рѣшающій голосъ...

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІЙ.

ИЗДАНІЯ

„СВОБОДНОЙ РОССІИ“:

Михаилъ Гальперинъ. „Праздникъ свободы“. Ц. 20 к.

Сергѣй Глаголь. „Въ грозный часъ“. Ц. 30 к.

Валерій Брюсовъ. „Какъ прекратить войну“. Ц. 25 к.

Выписывать изъ издательства

„Свободная Россія“

Москва, Тверская, Пименовскій пер., 8.

Цѣна 20 коп.